

О ГАРМОНИИ ПОТЕРЯННОЙ И ОБРЕТЕННОЙ ВНОВЬ

Посмотрел несколько спектаклей в разных театрах. вроде бы ничего особенного. Не из тех, что вспоминаются десятки лет спустя. Но было в них что-то, выводящее из ряда обыкновенных. Что-то... светлое? Нет, не то. Легкое? Изящное?.. И вдруг, возвращаясь после такого спектакля, поймал себя, на том, что в так шагам повторяю мысленно одно и то же слово: гармония.

Тысячелетиями искусство мо-ни-я, гармония. стремилось к гармонии. Двадцатый век войдет в историю ее последовательным разрушением. Ушли в небытие прерафаэлиты с их чахоточными девами и рыцарями, импрессионисты с их яркой гармонией палитры. Сверкнув напоследок болезненно-изящными образами дам в страусовых перьях, нервными завитками орнаментов, модерн стал, пожалуй, последним стилем, ставившим перед собой высокую цель поиска гармонии. И вот традиционное равновесие форм, цветов, звуков, слов стало неистово сокрушаться футуристами, абстракционистами, экспрессионистами и многими-многими другими «истами», предлагавшими свои взгляды на гармонию. Искусство становилось неуравновешенным, дерга-

тым, рваным, как какая-нибудь первая киношка фирмы «Патэ». (Заметим, оставаясь при этом искусством). Благовоспитанные современники, высколенные на античных образцах, возмущались столь грубым вторжением в мир прекрасного... Бедняги, им бы рэп послушать или сходить на концерт «Коррозии металла»!

А потом стали строить коммунизм. Великой стройке сопутствовало, как известно, всестороннее и гармоничное развитие личности. Но представление о гармонии у духовных вождей было весьма своеобразным. Социалистический реализм, пережитки прошлого, борьба хорошего с лучшим, «сталинский ампи́р», вокзальные фрески с лазурным небом и пальмами, крестьянки со снопами — все это было спокойно, уравновешенно, продуманно и проверено. Но — удивительно пусто. Творцы искусства негармоничного, конфликтного в своей сути, неудобного, вывороненные из страны, загнанные в подвалы и на чердаки, уничтожаемые, преследуемые становились подлинными героями. И — парадокс! — носителями духовной традиции, продолжателями дела классиков.

Но вот миновала пора запре-

тов, маятник качнулся в обратную сторону. И то, что вчера было запрещено, сегодня стало почти обязательным. Так бывает всегда.

А что же театр, в котором в душные годы всегда находили глоток свежего воздуха? Разве можно забыть то время?! Когда считалось, что все кругом замечательно, а бороться надо исключительно с буржуазным влиянием, на сцене вдруг появлялся кто-то, какой-нибудь Зиллов, и вдруг в нем, циничном, неустроенном, несчастном, ты начинал видеть себя, своего приятеля, свое поколение. А еще очень часто режиссеры, не имевшие возможности сказать о наиболее открытом и прямо, использовали классику. И дядя Ваня, сестры, Нина Заречная оказывались в мире неуравновешенном, нервном и сами вдруг делались похожими на наших несчастных современников, готовых сорвать зло на ближнем из-за случайной ссоры в метро.

И когда театр обрел свободу, было вполне понятным желание драматургов и режиссеров сорвать все и всляческие маски, вылить накопившуюся желчь, открыть глаза, разоблачить, вывести на чистую воду. Был вполне понятен девятый

вал «чернухи», захлестнувшей театр. Но прошло пять-шесть лет, и оказалось, что мир нашей сцены заселен исключительно злыми, истеричными героинями, порочными и мелкими героями. А сам этот мир убог и мрачен. И то, что казалось естественным, когда ставилась пьеса современного драматурга, резало зрение, слух, эстетическое чувство, когда ставилась классика. Как и неужели это — Чехов?! Полноте, да Островский ли это?! Разве мог писатель, сказавший, что в человеке все должно быть прекрасно, вывести на сцену таких ничтожных, мстительных людишек? Создавалось ощущение, что режиссеры ненавидят героев пьес, стараясь как можно более изощренно поиздеваться над ними. Что называется, смешать с грязью любого, будь то покалеченный «афганец», будь то земский доктор.

И тогда захотелось покоя. Захотелось красивых декораций, а не свисающих грязных холстин. Захотелось яркого света, страстной любви, романтики, возвышенных слов. Вдруг вспомнилось старомодное понятие «катарсис». Захотелось, чтобы после спектакля на душе становилось светло и празднично. Захотелось гармонии.

Наверное, театр уже почувствовал эту потребность. Три-четыре спектакля в Москве. В Липецке. В Питере. Это уже немало. Значит — тенденция? Значит — снова стремление к гармонии? Сейчас, под занавес XX века? И, как всегда, театр впереди прочих искусств? Дайте Бог.

Сергей БЕДНОВ.